

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2025.31.2.9](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.2.9)
EDN [KNAJFK](#)
УДК 316.334.56

Р. В. Евстифеев¹, Г. Г. Евстифеева²

¹ ИНИОН РАН. Москва, Россия

² Владимирский филиал РАНХиГС. Владимир, Россия

ГОРОДСКИЕ ГЕНДЕРНЫЕ РЕЖИМЫ В ЗЕРКАЛЕ КРИТИЧЕСКОЙ ТОПОНИМИКИ

Аннотация. В статье представлены результаты исследования топонимических систем региональных столиц Центрального федерального округа (16 городов, за исключением Москвы). Цель работы заключалась в выявлении характеристик городских гендерных режимов этих городов с точки зрения критической топонимики, а также в проведении сравнительного анализа с аналогичными данными для европейских городов. Теоретико-методологическую основу исследования составили концепция гендерных режимов и основные положения критической топонимики. Сбор данных по российским городам осуществлялся на основе анализа официальных документов, а также информации геоинформационных систем — Яндекс.Карты и OpenStreetMap; для европейских городов использовались открытые данные, интегрированные проектами Mapping diversity и Stnameslab. Обработка полученных материалов включала применение статистических и картографических методов с использованием программ Microsoft Excel и QGIS. Проведённый анализ подтвердил наличие устойчивых гендерных режимов в топонимических системах всех исследованных городов. Основной характеристикой выявленных режимов стало безусловное доминирование мужских имён в названиях улиц как в российских, так и в европейских городах. Однако наблюдалось различие в содержательном наполнении: в российских городах преобладали имена деятелей надгородского уровня, тогда как в европейских — при гораздо большем числе «женских» антропотопонимов, значительная их часть относится к деятелям, имеющим непосредственное отношение к городу и его развитию. Пространственное распределение топонимов также свидетельствует о регулируемости городского пространства гендерными режимами: «женские» антропотопонимы чаще всего находятся на периферии центральных районов. Полученные результаты позволяют сформулировать перспективные направления дальнейшего изучения городских гендерных режимов через призму критической топонимики.

Ключевые слова: гендерные режимы, критическая топонимика, антропотопонимы, городское пространство, социальное неравенство

Для цитирования: Евстифеев Р. В., Евстифеева Г. Г. Городские гендерные режимы в зеркале критической топонимики // Наука. Культура. Общество. 2025. Т. 31, № 2. С. 111–128. DOI [10.19181/nko.2025.31.2.9](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.2.9). EDN [KNAJFK](#).

Введение. Пространства современных городов наполнены разнообразными формами неравенства и иерархии [1], что предполагает существование определённых правил и норм — часто невидимых и недеklarированных, — по которым одни социальные группы доминируют над другими. В ряде случаев можно говорить об особых режимах поддержания гегемонии определённых групп [2]. Для выявления и анализа таких режимов необходимо применение специальных методов исследования с использованием компаративистских стратегий.

Особое значение имеют режимы, регулирующие гендерные отношения. Понимание необходимости равенства между мужчинами и женщинами сформиро-

© Евстифеев Р. В., Евстифеева Г. Г., 2025

валось ещё в эпоху раннего модерна, а к началу XXI века его достижение стало одной из приоритетных целей политики большинства государств мира.

Создание равных возможностей для мужчин и женщин сегодня заложено в основу нормативных документов многих стран, включая Россию. Так, Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023–2030 годы (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2022 г. N 4356-р) направлена на консолидацию усилий федеральных органов власти, региональных и муниципальных структур, делового сообщества, некоммерческих организаций и граждан Российской Федерации в реализации принципа равных прав и свобод мужчин и женщин¹. В частности, Стратегия предполагает укрепление позиций женщин в общественно-политической жизни, создание условий для развития их гражданской активности, повышение роли женщин в развитии общества и расширение их участия в приоритетных направлениях социально-экономического развития страны. Эти цели перекликаются с глобальными ориентирами, обозначенным в Стратегии по обеспечению гендерного равенства на 2022–2025 годы, разработанной Программой развития Организации Объединённых Наций².

Однако, декларируемое в обоих документах стремление к гендерному равенству и повышению участия женщин в политике и экономике нередко сталкивается с сопротивлением сложившихся традиций и институциональных норм, воспроизводящих гендерное неравенство в городском пространстве.

В этой связи актуальной представляется задача разработки методологии оценки соответствия реального состояния городских пространств заявленным в стратегических документах целям, а также проведения сравнительного анализа ситуации в российских городах и за рубежом. Итак, цель данной статьи — выявить основные характеристики городских гендерных режимов столиц Центрального федерального округа России через призму критической топонимики, а также провести сравнение с имеющимися данными по европейским городам.

Гендерные режимы и критическая топонимика: обзор научных подходов. Теоретико-методологической базой исследования служат две концепции, почти одновременно получившие развитие в 1990-х годах: концепция гендерного режима и подходы критической топонимики. Обе идеи возникли как ответ на ограниченность традиционных подходов к анализу социальных явлений и позволили по-новому взглянуть на организацию пространства и воспроизводство гендерных неравенств.

Понятие **гендерного режима (гендерного порядка)** введено в научный оборот как способ преодоления недостатков исследований государства всеобщего благосостояния, в которых вопросы гендера и пола оставались вне поля зрения [3; 4; 5]. Несмотря на то, что изначальный акцент делался, прежде всего, на социально-экономических аспектах гендерного неравенства, острая дискуссия способствовала появлению специального термина, позволяющего описать специфику гендерных отношений в конкретном обществе [6].

В начале 90-х годов XX века Р. Коннелл и С. Валби независимо друг от друга

¹ Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023–2030 годы (утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2022 г. N 4356-р) // Гарант.Ру. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405965441/> (дата обращения: 23.03.2025).

² Gender equality strategy 2022–2025 // United Nations Development Programme. URL: <https://genderequalitystrategy.undp.org/#> (accessed: 23.03.2025).

предложили обратить внимание не на отдельные случаи проявления гендерного неравенства, а на институциональные основы его появления и воспроизводства [7]. Таким образом, гендерный режим стал пониматься как набор норм, ценностей, политик, принципов и законов, которые формируют и влияют на гендерные отношения в данном политическом устройстве [8; 9]. Позднее канадский политолог Хизер Макрей подчеркнула, что гендерный режим создаётся и поддерживается широким спектром политических практик, находясь под влиянием различных структур и агентов, каждый из которых, определяется своим историческим контекстом и путём развития [10, с. 524–525].

В российской науке также накоплен богатый теоретический и практический опыт изучения гендерных отношений, причём с позиций различных методологических подходов. Структурно-конструктивистская концепция гендера, в рамках которой используется понятие «гендерный порядок», в российской научной литературе появилась с начала 1990-х годов [11, с. 214]. Отметим, что отечественные авторы значительно чаще используют понятие «гендерный порядок», чем «гендерный режим». По состоянию на май 2025 года наукометрической системой eLibrary индексируется около 20 публикаций в российских научных журналах, в названиях или ключевых словах которых встречается термин «гендерный режим». В то же время термин «гендерный порядок» встречается в названиях и ключевых словах более чем 160 публикаций.

Под гендерным порядком в российской научной литературе обычно понимается система социальных норм, политической культуры и институтов, формирующих отношение общества к гендерным проблемам и определяющих механизмы их решения. Как отмечает Г. Силласте, в фокусе гендерного порядка находится достижение гендерного равноправия [12, с. 11], которое, в свою очередь, становится центральным объектом гендерной политики. Это определение близко к международному пониманию гендерного режима, что позволяет говорить о возможности их сопоставления. При этом фокус внимания российских и зарубежных исследователей охватывает широкий спектр характеристик гендерного порядка и гендерного режима в разных сферах жизни и масштабах — от семьи до национального государства.

Таким образом, можно предположить существование гендерных режимов в обществах разного масштаба — на уровне национального государства, мегаполиса, городов и т. д. Все эти уровни взаимодействуют и влияют друг на друга. На наш взгляд, гендерное равенство внутри городского пространства вполне возможно рассматривать как самостоятельный объект исследования. Однако, как в российской, так и в мировой науке исследования гендерных режимов или гендерных порядков на городском уровне остаются редкостью.

Опираясь на одно из общепринятых определений — «гендерный режим — это набор правил и норм, создающий устойчивые ожидания относительно гендерных отношений и присваивающий определённые права и обязанности мужчинам и женщинам» [13, р. 5] — можно утверждать, что городской гендерный режим представляет собой систему норм и правил, регулирующих гендерные отношения внутри городского пространства. Одним из измеряемых показателей, характеризующих особенности такого режима, являются различия в представленности женских и мужских имён в городской топонимии.

Именно этот аспект привлекает внимание исследователей, работающих в рамках **критической топонимики**. Отметим, что Р. Коннелл в своей работе «Гендер и власть», определяя уровни гендерного режима — от частной жизни до

государственного устройства, —отдельный параграф посвящает такому институту как улица, анализу улицы как пространственной единицы, противопоставленной «семье» и «дому» [14, р. 132–134]. Однако Коннелл обходит вниманием названия улиц, поскольку критическая топонимика в тот период ещё не была хорошо разработанным направлением.

Хорошо развитые в мировой науке топонимические исследования в рамках ономастики, традиционно основанные на лингвистическом анализе географических названий, к 1980-м годам столкнулись с рядом вызовов. Одним из них стала остающаяся за рамками исследования проблема взаимосвязи «между географическими названиями и явлениями человеческой деятельности» [15, с. 56]. В числе тех, кто указывал на необходимость расширения исследовательских рамок, был и советский топонимист В. А. Жучкевич. Он подчёркивал, что «попытки ограничить решение топонимических проблем одним узкоспециальным аспектом наносят ущерб исследованиям, сужают их практическую значимость и несовместимы с нынешним состоянием научной проблематики» [16, с. 71]. Эти идеи фактически стали предпосылкой для формирования критической топонимики как самостоятельного направления.

Поворот к социальному смыслу топонимики произошёл во второй половине 1980-х годов, когда исследования начали фокусироваться на критическом осмыслении социально-политической и символической роли географических названий, политики номинации и её последствий, а также связанных с ней социально-экономических процессов. В работах М. Азаряху, Р. Роуз-Редфорда и других исследователей были выработаны основные положения критической топонимии, в том числе чётко обозначенная связь между топонимикой и целями политического режима. Городские топонимы рассматриваются как инструмент, через который власть формирует и навязывает определённые представления о прошлом и настоящем, включая доминирующие рамки гендерных отношений и равенства [17]. В наиболее общем виде подход критической топонимики заключается в понимании названий географических объектов — особенно внутригородских! — как результатов социальных процессов: конкуренции, договорённостей, принуждения и применения властных полномочий. Таким образом, топонимическая система выступает не только лингвистическим феноменом, но и может рассматриваться как отражение социально-политических и культурных явлений.

С конца XX века количество исследований в рамках критической топонимики значительно возросло. В этих работах рассматривался широкий спектр вопросов о взаимодействии географических названий, власти и общества, включая проблематику национализма, колониализма, деколонизации [18; 19; 20], а также политики памяти [21]. Однако исследования представленности (видимости) женщин в городском топонимическом пространстве до последнего времени велись преимущественно журналистами и активистами, заинтересованными в изменении гендерного дисбаланса в названиях городских улиц [22; 23; 24]. Научное изучение этой проблемы началось лишь в последнее десятилетие и пока представлено единичными исследованиями, что делает данное направление особенно актуальным.

Стоит отметить специфику рецепции критической топонимики в отечественной науке. Несмотря на богатые традиции советской и российской ономастики, географии и социальных наук, в целом позволяющие говорить о потенциале для формирования собственных теоретических подходов [25; 26], исследования в рамках критической топонимики пока остаются единичными.

Близкую к критической топонимике проблематику исследуют учёные в рамках социономастики и социолингвистики [27]. Например, в работах известного ярославского учёного Р. Разумова рассматриваются закономерности развития русской урбании (городской топонимики) как в синхронии, так и в диахронии, предлагается её типология [28]. Однако, в целом, о распространённости таких исследований в России говорить рано. К маю 2025 года в базе eLibrary зарегистрировано всего 29 статей в российских научных журналах с упоминанием термина «критическая топонимика». Представляется, что при аккуратном и взвешенном подходе некоторые положения и методы критической топонимики были бы полезны применительно к российской социально-топонимической реальности.

Предлагаемое **сочетание концепции гендерных режимов и основных положений критической топонимики**, на наш взгляд, позволяет акцентировать внимание на отражении гендерных отношений в городском топонимическом пространстве. К числу актуальных задач относится описание и объяснение гендерных дисбалансов в использовании мужских и женских имён для названий городских объектов, выявление того, какие конкретно имена представлены в топонимике, какие социальные группы женщин и мужчин они представляют, какова гендерная организация топонимического пространства и как оно соотносится с пространственным распределением власти.

Более сложной задачей представляется изучение изменений в гендерных режимах и их влияния на топонимику, включая динамику и закономерности переименования улиц или присвоения новых названий.

В рамках данного исследования мы рассмотрим отражение гендерного режима в топонимической системе городов через соотношение количества женских и мужских антропотопонимов, через характеристику личностей, чьи имена представлены в городской топонимике, а также пространственное распределение гендерных антропотопонимов в городской среде. Важным для понимания гендерного режима представляется описание способов номинаций улиц, динамика изменения этих способов, динамика переименования улиц (диахронический анализ). Однако в данной работе мы представим только синхронный взгляд на городское топонимическое пространство ряда российских и европейских городов, оставляя проблемы номинации и динамики переименований, более глубоко отражающие общие и уникальные исторически сложившиеся проблемы в каждом городе, для последующих публикаций. Также для будущих исследований представляется перспективной проблема влияния топонимики на жителей города и на формирование гендерных отношений в городском сообществе.

Методология исследования. Данная статья основана на исследовании топонимических систем региональных столиц Центрального федерального округа (16 городов, исключая Москву): Белгород, Брянск, Владимир, Воронеж, Иваново, Калуга, Кострома, Курск, Липецк, Орёл, Рязань, Смоленск, Тамбов, Тверь, Тула, Ярославль. Исследование проводилось с октября 2024 года по апрель 2025 года.

Топонимические системы городов нами рассматривались как антропотопонимический гипертекст — совокупность названий, образованных от имён и фамилий людей, связанных с городским пространством и участвующих в социально-политическом процессе культурного воспроизводства [29]. Такой подход позволяет выявить антропологические и культурологические константы и переменные, включая городскую локальную идентичность, основным механизмом

конструирования которой являются переосмысление и переинтерпретация прошлого и настоящего городского сообщества [30].

Гипертекстовый анализ раскрывает культурно значимые «ссылки» — персон, чья память актуализируется через топонимы. Эти персоны формируют своеобразный «пантеон» городских героев, что даёт ключ к интерпретации историко-культурных приоритетов и ценностных установок общества. Кроме того, топонимическая система отражает характеристики гендерного режима: количественное соотношение женских и мужских антропотопонимов, качественную представленность женщин в городской топонимике, а также их пространственное распределение. Не менее важны способы номинаций улиц и их динамика во времени, включая практики переименования (последние в рамках данной статьи затрагиваются кратко).

Таким образом, исследование было организовано по следующим аналитическим линиям: общее количество названий улиц, доля антропотопонимов среди них, соотношение женских и мужских антропотопонимов, качественный состав представленных имён, особенности пространственного расположения улиц, названных в честь женщин и мужчин. Данные собирались из нескольких источников.

Наименование улиц городов в России находится в ведении муниципалитетов: именно они ведут учёт уличных названий и их изменений. К сожалению, формы и методы работы с этой информацией муниципалитеты выбирают самостоятельно, что приводит к несогласованности данных. В результате информация о названиях улиц и их переименованиях на сайтах городских администраций зачастую требует дополнительной проверки и уточнения.

Эта ситуация неоднократно становилась предметом обсуждения российских исследователей городской топонимии. Они указывают на необходимость интеграции данных о наименованиях внутригородских объектов в различных населённых пунктах страны. Одним из возможных решений учёные называют создание единой общедоступной топонимической базы данных Российской Федерации [31; 32]. Её основой может стать комплексное лексикографическое описание урбанонимии — как официальной, так и неофициальной. Такой подход позволил бы рассматривать городскую топонимию как специфический лингвокультурный и исторический феномен [33, с. 4170].

Пока же такой единой топонимической базы данных не существует, в рамках нашего исследования для сбора данных использовались не только официальные документы городских властей, но и данные геоинформационных сервисов — Яндекс-карты и OpenStreetsMap, которые сверялись с информацией Государственного адресного реестра (ГАР). Для геомоделирования использовались данные ресурса OpenStreetMap, обработка и визуализация которых осуществлялись с помощью программного обеспечения QGIS.

Общий список названий улиц столиц регионов Центрального федерального округа, полученный из указанных источников, включает 12 893 наименования. Далее была проведена полуавтоматическая выборка названий, содержащих имена и фамилии людей (антропотопонимов), а также проведено разделение на «женские» и «мужские» антропотопонимы. Полученные цифры представлены в Приложении 1.

Результаты исследования столиц регионов Центрального федерального округа. В среднем четверть названий улиц в изученных городах составляют антропотопонимы — 24,95%. При этом наблюдается значительный разброс по-

казателей по городам: от 15,53% в Курске до 34,81% в Липецке. Из 3 217 выделенных антропотопонимов подавляющее большинство носит отфамильный характер; гораздо реже встречается совмещение отфамильного и отыменного образования; единичны случаи отыменных антропотопонимов, а также образований от прозвищ.

Всего в топонимических системах 16 региональных столиц ЦФО выявлено 209 **«женских» антропотопонимов**, которые весьма неравномерно распределены по городам. Наименьшее количество таких названий зафиксировано в Белгороде (3 улицы), Курске (3 улицы), Владимире (4 улицы). Наибольшее число «женских» антропотопонимов наблюдается в Воронеже (33) и Твери (26). Если для Воронежа такая цифра объяснима его большой численностью населения — это самый густонаселённый город среди исследуемых — то другие города не демонстрируют чёткой зависимости между количеством женских названий и размером населённого пункта или общим числом улиц.

Доля «женских» антропотопонимов в общей массе антропотопонимов составила в среднем 6,5%, тогда как доля мужских — 93,5%. Учитывая, что уличные номинации в российских городах осуществляются административными инструментами через решения местных органов власти, можно констатировать наличие городских гендерных режимов, в которых доминирование мужских номинаций в топонимике отражает более широкую социальную картину гендерной неравноправности.

Интересно, что показатель представленности женских антропотопонимов варьируется от 1,5% в Белгороде до 12% в Рязани. Причины этих различий требуют дальнейшего исследования в каждом конкретном городе.

Из 209 выявленных «женских» антропотопонимов многие повторяются в разных городах и представляют имена и фамилии 73 женщин. Группа «женских» антропотопонимов, встречающихся только один раз, относительно невелика — 67 названий, то есть в среднем таких названий всего по 3–5 на каждый город. В целом можно говорить о доминировании фигур надгородского уровня в топонимическом пространстве.

Большинство улиц, названных в честь женщин, получили свои названия в советский период. Среди наиболее часто встречающихся — следующие персоны:

Осипенко П. Д. — 21 топоним

Крупская Н. К. — 15

Космодемьянская З. А. — 14

Раскова М. М. — 13

Люксембург Р. — 12

Чайкина Е. И. — 10

Перовская С. Л. — 9

Ковалевская С. В. — 7

Шевцова Л. Г. — 6

Терешкова В. В. — 6.

Случай героини-лётчицы Полины Денисовны Осипенко особенно интересен, так как её имя в Рязани содержат 9 топонимов: улица Осипенко, переулок Осипенко и 7(!) проездов Осипенко. Кроме специфики организации городского пространства (все улицы географически связаны друг с другом и расположены в микрорайоне с частной застройкой), в данном случае, видимо, свою роль сыграло то, что крушение самолёта, в котором погибла Осипенко, произошло на территории Рязанской области 11 мая 1939 г.

Среди исторических личностей, чьи имена представлены в «женских» антропотопонимах, около трети (60 женщин, 28,7%) связаны с политикой и государственным управлением, почти четверть (52 жен., 24,9%) — с культурой, наукой и искусством, а более трети (95 жен., 34,9%) проявили себя в военной сфере.

«**Мужские**» антропотопонимы (3 006 топонимов) по сферам деятельности исторических личностей распределились несколько иначе: 43% мужчин, в честь которых названы улицы, проявили себя в сфере культуры, науки и искусства; 32% мужчин — на военном поприще; ещё 25% можно отнести к сфере политики и управления. Более двух третей (почти 70%) мужчин, в честь которых названы улицы в изученных городах — герои общенационального уровня.

Десять наиболее часто встречающихся мужских имён в топонимике исследуемых городов:

Маяковский В. В. — 34 топонима

Суворов А. В. — 31

Чапаев В. И. — 28

Чкалов В. И. — 27

Мичурин И. В. — 26

Ленин В. И. — 25

Гагарин Ю. А. — 24

Гоголь Н. В. — 24

Добролюбов Н. А. — 24

Некрасов Н. И. — 24.

Одним из важнейших факторов, влияющих на количество «женских» антропотопонимов, является общее количество улиц в городе. Однако, исследование показало, что эта связь не является жёсткой и прямолинейной. Например, Белгород по количеству улиц (699) опережает такие города как Смоленск, Владимир, Калуга, Тамбов, Кострома. При этом именно в топонимической системе Белгорода зафиксировано меньше всего «женских» наименований — всего три улицы, что составляет 1,5% от всех антропотопонимов. Все они находятся на периферии города в районах малоэтажной частной застройки: улица Княгини Волковой, улица Розы Люксембург и улица Крупской.

Напротив, Кострома, где зафиксировано наименьшее число улиц среди всех исследуемых городов (484), по доле «женских» антропотопонимов занимает первое место — 12,16%. Однако в абсолютных значениях этот показатель остаётся низким: в Костроме всего девять «женских» антропотопонимов — площадь Архитектора Рыбниковой, проезд Наты Бабушкиной, улица Наты Бабушкиной, улица Валентины Плетнёвой, улица Винокуровой, проезд Крупской, улица Крупской, улица Прасковьи Малининой, улица Терешковой.

Для объяснения выявленных различий необходимы более глубокие исследования процессов городского развития и механизмов номинации уличных пространств. Геомоделирование, выполненное с помощью программы QGIS, показало, что для всех 16 изученных городов характерна определённая модель расположения «женских» и «мужских» антропотопонимов. «Женские» антропотопонимы обычно занимают несколько улиц на границах центральной зоны города и почти не встречаются в новых районах постсоветской застройки. «Мужские» антропотопонимы этой закономерности не подчиняются, занимая разнообразные места в центрах и на периферии городов. На рисунке 1 представлен пример карты Белгорода, иллюстрирующий данную закономерность.

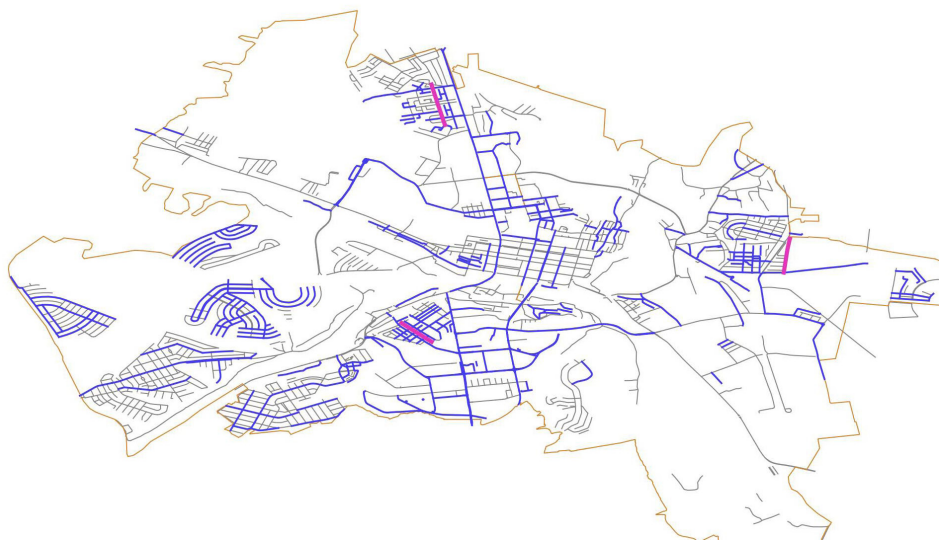

Рисунок 1. Улицы г. Белгород (синим цветом выделены «мужские», розовым — «женские» антопотопонимы)

Источник: Карта создана авторами в программе QGIS, использованы данные OpenStreetMap.

В Белгороде всего три улицы названы в честь женщин. На рисунке 1 отчётливо видно, что они расположены на периферии центральной части города и пространственно разобщены. В то же время улицы, названные в честь мужчин, занимают почти треть всего уличного пространства, причём располагаются они чаще всего плотными кластерами.

На рисунке 2 показано распределение «женских» антропотопонимов в городском пространстве г. Иванова.

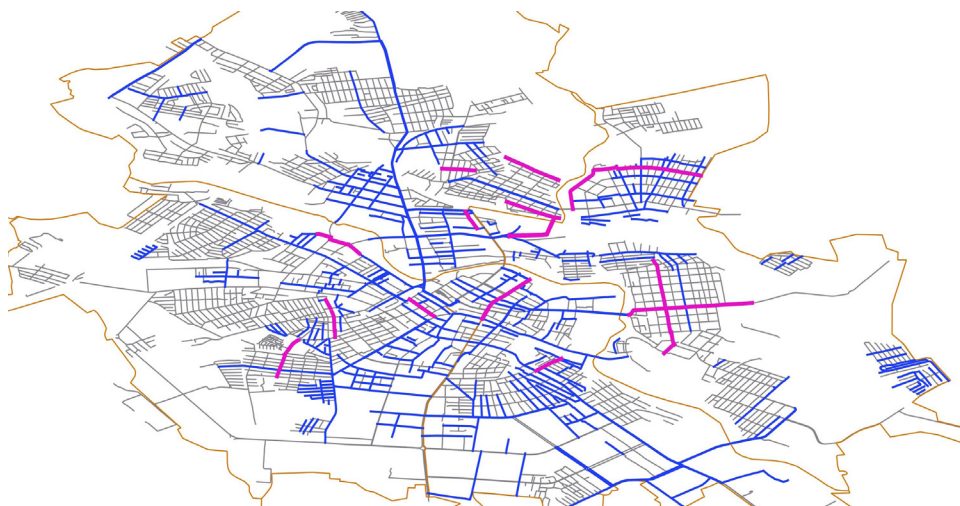

Рисунок 2. Улицы г. Иванова (синим цветом выделены «мужские», розовым — «женские» антопотопонимы)

Источник: Карта создана авторами в программе QGIS, использованы данные OpenStreetMap.

Как видно из рисунка 2, Иваново демонстрирует ту же пространственную модель: улицы, названные в честь женщин, расположены на границах центральной части города и зачастую не образуют единого пространственного контекста. Стоит отметить, что в топонимике Иваново отражаются элементы советского градостроительства, сохраняющегося в топонимике современного российского города.

Геоинформационные карты, построенные авторами для всех исследуемых городов, позволили провести детальный пространственный анализ. Он показал, что пространственное положение улиц с женскими именами во многом обусловлено временем их появления — в советский период, именно тогда было определено их место на периферии центра. С начала 1990-х годов «женские» антропотопонимы практически перестали вводиться в употребление, их почти нет в районах новой застройки, что подтверждает сложившийся характер существующих городских гендерных режимов.

Подводя итог данного раздела, можно отметить, что топонимическое пространство столиц регионов ЦФО отражает ключевую особенность изученных городских гендерных режимов — доминирование мужских имён в уличной номинации как символ их приоритетного участия в истории и развитии городов. Топонимически это выражено в доминировании мужских имён в названиях улиц, в среднем по всем городам мужское присутствие в уличных названиях более чем в 15 раз превышает женское. При этом женщины представлены в основном как героини военного времени, тогда как деятели культуры, искусства, науки и другие представительницы мирных профессий в топонимике почти не представлены.

Кроме того, гендерные различия прослеживаются и в пространственном распределении: «женские» антропотопонимы чаще всего находятся на периферии центральных районов, в то время как «мужские» равномерно распределены как в центре, так и в новых частях города. Такое положение связано с историческим формированием топонимических систем: первые антропотопонимы в подавляющем большинстве были мужскими и занимали центральные позиции в городском пространстве. Впоследствии новые женские названия получали преимущественно периферийные участки, что закрепило существующие гендерные практики в городской топонимике.

Сравнительный анализ с европейскими городами. Данные по европейским городам были получены в результате анализа результатов двух наиболее продвинутых проектов. Во-первых, это интернациональный проект Mapping diversity³, авторы которого исследовали более 30 европейских городов, составили и предоставили подробные таблицы с уличными названиями и их категоризацией. Во-вторых — амбициозный проект испанских учёных Stnameslab⁴, охватывающий все(!) города Испании и включающий интерактивную карту страны. Кроме того, на сайте проекта частично доступны данные по некоторым городам Северной Америки и Западной Европы.

Для целей нашего исследования из набора данных проекта Mapping diversity (32 города) были отобраны 16 европейских городов, соответствующих следующим критериям:

³ Mapping diversity. URL: <https://mappingdiversity.eu/> (accessed: 23.03.2025).

⁴ Stnameslab. URL: <https://en.stnameslab.com/> (accessed: 23.03.2025).

- города не являются столицами национальных государств;
- численность населения сравнима с 16 региональными столицами Центрального Федерального округа России.

В результате был составлен список из 16 городов, представляющих семь европейских стран:

Италия: Анкона, Болонья, Генуя, Палермо, Флоренция

Польша: Вроцлав, Гданьск, Катовице, Лодзь

Венгрия: Дебрецен

Франция: Лион

Швейцария: Лозанна

Испания: Севилья

Румыния: Сибиу

Молдова: Кишинёв

Германия: Эрланген.

Полные количественные данные по этим городам представлены в Приложении 2.

Прямые сравнения между российскими и европейскими городами требуют большой аккуратности и осторожности, поскольку топонимические системы формировались в разных исторических, культурных и административных условиях. В рамках данного исследования мы ограничимся сравнением относительно простых показателей: общее количество антропотопонимов, их гендерная дифференциация и пространственное распределение гендерно окрашенных топонимов. Полагаем, что этого будет достаточно для первоначальных выводов о характеристиках городских гендерных режимов в межстрановом контексте.

Начнём с очевидного факта: при сопоставимой численности населения (от 6 до 7 миллионов человек) европейские города содержат почти в три раза больше улиц, чем российские. В 16 столицах Центрального федерального округа зафиксировано 12 893 уличных названий, тогда как в изученных европейских городах — 32 486. Это различие, вероятно, связано с исторически сложившимися градостроительными условиями, включающими особенности городской разметки и размеров (длины) улиц.

Второй очевидный факт: в европейских городах не только общее число антропотопонимов выше, но и их доля в общей массе уличных названий существенно превышает российские значения: 12 100 антропотопонимов, или 37,25% (против 3 169, или 24,67%, в российских городах). Разброс значений по городам также высок, как и в России: от 58% в Болонье (Италия), до 16,4% в Эрлангене (Германия). По сравнению с российскими городами в европейском случае более чётко прослеживается корреляция между размером города, численностью населения и долей антропотопонимов, хотя исключения также имеются. Например, в испанской Севилье, самом крупном по населению и количеству улиц (более 4 000) среди изученных европейских городов, доля антропотопонимов ниже средней — чуть выше 36%.

Что касается гендерной составляющей, то в европейских городах также наблюдается доминирование мужских имён в топонимике. Однако средняя доля «женских» антропотопонимов выше, чем в российских городах: 8,51% против 6,5%. Этот показатель складывается преимущественно за счёт двух городов-рекордсменов: Эрлангена (Германия) с уровнем выше 20% и Севильи (Испания) с 17,21%. Случай Эрлангена особенно интересен, так как в научной литературе имеются описания эволюции топонимической системы этого города, где подчёркиваются специальные усилия общества и городских властей по увековечи-

ванию имён женщин в уличных названиях, предпринятых в конце XX — начале XXI веков [34]. Такие практики стали частью стратегии формирования инклюзивного городского пространства.

Всего в топонимических системах изученных европейских городов выявлено 1 030 «женских» антропотопонимов. На первых местах по распространённости — имена религиозного происхождения, особенно связанные с девой Марией. Если исключить религиозные антропотонимы, то в европейских городах не так много женских имён, которые присутствуют на улицах двух и более городов, кроме Марии Кюри. Иными словами, в топонимических системах европейских городов преобладают имена местных деятелей или деятелей национального масштаба, тесно связанных с конкретным городом. Среди «женских» антропотопонимов доминируют имена известных женщин, внёсших большой вклад в развитие культуры, науки, искусства и благотворительности.

Анализ картографической информации позволил сделать ещё один важный вывод: высокая доля «женских» антропотопонимов в отдельных городах достигается за счёт частых номинаций в новых районах городов.

На рисунке 3 представлен пример гендерного распределения антропотопонимов в городе Эрланген (Германия).

На приведённой карте Эрлангена (рис. 3) хорошо видно, что в новых, периферийных районах города созданы целые кластеры «женских» антропотопонимов.

В целом можно констатировать, что городские гендерные режимы изученных европейских городов по большинству параметров близки к городским гендерным режимам столиц ЦФО. Значимые отличия, как правило, проявляются там и тогда, когда местные власти последовательно реализуют меры по обеспечению гендерного равенства в сфере топонимической политики.

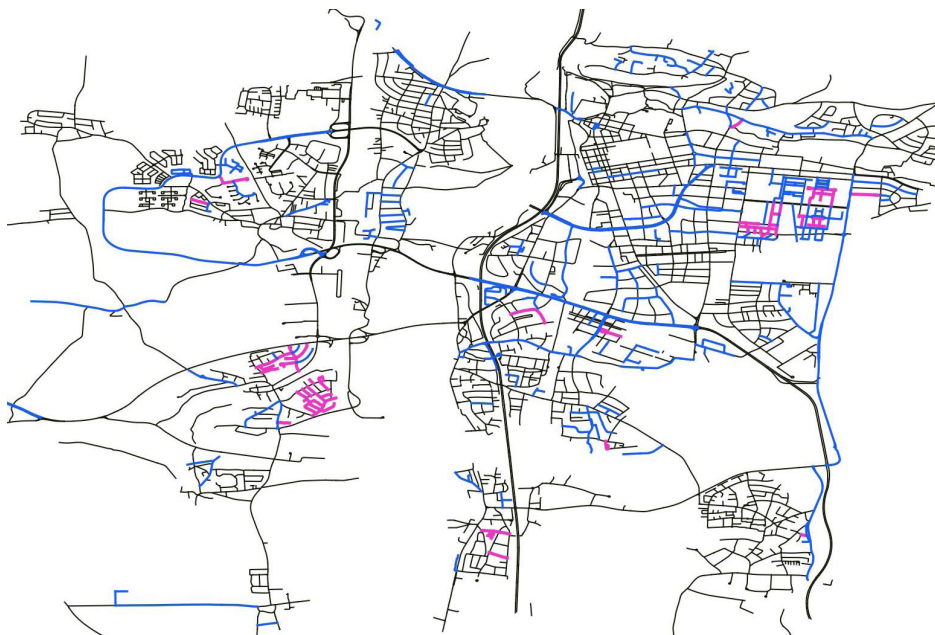

Рисунок 3. Улицы г. Эрланген, Германия (синим цветом выделены «мужские», розовым — «женские» антропотопонимы)

Источник: Карта создана авторами в программе QGIS, использованы данные OpenStreetMap.

Заключение. Проведённое исследование топонимических систем региональных столиц Центрального Федерального округа России и ряда европейских городов позволяет сформулировать ряд выводов о характере городских гендерных режимов, а также наметить перспективные направления дальнейших исследований.

Во-первых, распределение «женских» и «мужских» антропотопонимов в изученных городах подтверждает наличие устойчивых гендерных режимов как в рассмотренных российских, так и в европейских городах. Общей характеристикой данных режимов можно считать безусловное доминирование мужских имён в уличной номинации над женскими. Однако наблюдаются и различия: если в 16 российских городах доля «женских» антропотопонимов варьировалась от 1% до 12%, то в сопоставимых 16 европейских городах указанный диапазон составил от 2% до 20%.

Во-вторых, выявлены различия в качественной представленности женских имён. Для топонимики российских городов характерно доминирование имён деятелей надгородского уровня, особенно среди женских названий. В изученных европейских городах, напротив, при гораздо большем количестве «женских» антропотопонимов, значительная их часть относится к деятелям, имеющим прямую связь с конкретным городом и его историей.

В-третьих, пространственное расположение «женских» антропотопонимов свидетельствует о регулируемости городского пространства гендерными режимами во всех изученных городах. В российском случае — это периферия городского центра, преимущественно на границе старых и новых районов, построенных в 50–70 гг. Это связано с тем, что уличные номинации в честь женщин являются, прежде всего, наследием советского прошлого. В новых городских пространствах, построенных на рубеже XX–XXI вв. «женские» антропотопонимы крайне редки. В европейских городах ситуация иная: распространённость «женских» антропотопонимов связана с процессами городской экспансии конца XX — начала XXI века, а также с целенаправленной политикой местных властей по увеличению гендерного представительства в топонимике. При этом присутствие женских имён в центральных районах часто обусловлено религиозной символикой (например, дева Мария в городах Италии и Испании).

Проведённое исследование открывает возможности для дальнейшего изучения городских гендерных режимов через призму критической топонимики. Прежде всего, речь идёт о выявлении динамики изменений городского топонимического пространства; норм и практик наименования/переименования улиц; более детальной типологизации антропотопонимов; разработке методики оценки степени значимости городских объектов. Кроме того, перспективной, но почти не изученной остаётся тема влияния городской топонимики на формирование гендерных представлений и общественных отношений в городской среде.

Дальнейшая разработка обозначенных тем, дополнение выборки новыми городами и углубление аналитических подходов позволят создать прочную основу для достижения целей, поставленных в Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023–2030 годы.

Библиографический список / References

1. Ouali N., Lannoy P., Desamoury V. [et al.]. Women in Brussels street names. *Topography of a minoritisation. Brussels Studies*. 2021. General collection, No. 154. DOI [10.4000/brussels.5433](https://doi.org/10.4000/brussels.5433). EDN [BSOHEJ](https://www.edn.ru/BSOHEJ).
2. Walby S. Varieties of Gender Regimes. *Social Politics: International Studies in Gender, State & Society*. 2020;27(3):414–431. DOI [10.1093/sp/jxaa018](https://doi.org/10.1093/sp/jxaa018). EDN [WGFHZV](https://www.edn.ru/WGFHZV).

3. Lewis Ja. Gender and the Development of Welfare Regimes. *Journal of European Social Policy*. 1992;2(3):159–173. DOI [10.1177/095892879200200301](https://doi.org/10.1177/095892879200200301). EDN [JRWZAL](#).
4. O'Connor J. Gender, Class and Citizenship in the Comparative Analysis of Welfare State Regimes: Theoretical and Methodological Issues. *The British Journal of Sociology*. 1993;44(3):501–518. DOI [10.2307/591814](https://doi.org/10.2307/591814).
5. Sainsbury D. Women's and Men's Social Rights: Gendering Dimensions of Welfare States. In: Sainsbury D. (ed.). *Gendering Welfare States*. London: Sage; 1994. P. 150–169. DOI [10.4135/9781446250518.n10](https://doi.org/10.4135/9781446250518.n10).
6. Betzelt S. Gender Regimes: ein ertragreiches Konzept für die komparative Forschung; Literaturstudie. *ZeS-Arbeitspapier*. 2007;(12). Available at: <http://hdl.handle.net/10419/27141> (accessed: 28.02.2025).
7. Walby S. *Gender transformations*. London: Routledge; 1997.
8. Liebert U.(ed.). *Gendering Europeanisation*. Brussels: Peter Lang; 2003.
9. O'Connor J., Orloff A., Shaver S. *States, Markets, Families: Gender, Liberalism and Social Policy in Australia, Canada, Great Britain and the United States*. Cambridge: Cambridge University Press; 1999. DOI [10.1017/CBO9780511597114](https://doi.org/10.1017/CBO9780511597114).
10. Macrae H. Rescaling Gender Relations: The Influence of European Directives on the German Gender Regime. *Social Politics: International Studies in Gender, State & Society*. 2006;13(4):522–550. DOI [10.1093/sp/jxl009](https://doi.org/10.1093/sp/jxl009). EDN [JJDBQL](#).
11. Здравомыслова О. «Гендер и власть»: читая книгу Рейвин Коннелл в России // Социологическое обозрение. 2016. Т. 15, № 3. С. 213–222. DOI [10.17323/1728-192X-2016-3-213-222](https://doi.org/10.17323/1728-192X-2016-3-213-222). EDN [WVJPMF](#).
Zdravomyslova O. "Gender and Power": Reading Raewyn Connell in Russia. *The Russian Sociological Review*. 2016;15(3):213–222. (In Russ.). DOI [10.17323/1728-192X-2016-3-213-222](https://doi.org/10.17323/1728-192X-2016-3-213-222).
12. Силласте Г. Г. Гендерная политика и социальный механизм ее возможной реализации // Гендерная политика в России и в мире: экономика, управление, общество : материалы Всероссийской научной конференции (Иваново, 25 июня 2021). Иваново: Ивановский государственный университет, 2021. С. 3–13. DOI [10.46726/Sb.2021.1](https://doi.org/10.46726/Sb.2021.1). EDN [RBOBIA](#).
Sillaste G. G. Gender policy and the social mechanism of its possible implementation. In: *Gender policy in Russia and in the world: economy, management, society: materials of the All-Russian scientific conference* (Ivanovo, 25 June 2021). Ivanovo: Ivanovo State University; 2021. P. 3–13. (In Russ.). DOI [10.46726/Sb.2021.1](https://doi.org/10.46726/Sb.2021.1).
13. Sainsbury D. Introduction. In: Sainsbury D. (ed.). *Gender and Welfare State Regimes*. New York: Oxford University Press; 1999. P. 1–12. DOI [10.1093/0198294166.003.0001](https://doi.org/10.1093/0198294166.003.0001).
14. Connell R. *Gender and Power: Society, the Person, Sexual Politics*. Cambridge: Polity Press; 1987.
15. Басик С. Н. Критическая топонимика как направление географических исследований: проблемы и перспективы // Географический вестник. 2018. № 1(44). С. 56–63. DOI [10.17072/2079-7877-2018-1-56-63](https://doi.org/10.17072/2079-7877-2018-1-56-63). EDN [LAXWCL](#).
Basik S. N. Critical toponymics as a direction of geographic research: problems and perspectives. *Geographical bulletin*. 2018;(1):56–63. (In Russ.). DOI [10.17072/2079-7877-2018-1-56-63](https://doi.org/10.17072/2079-7877-2018-1-56-63).
16. Жучкевич В. А. Общая топонимика. Минск : Вышэйшая школа, 1968. 432 с.
Zhuchkevich V. A. *General toponymy*. Minsk: Vysheyshaya shkola; 1968. (In Russ.).
17. Rose-Redwood R., Alderman D., Azaryahu M. The urban streetscape as political cosmos. In: Rose-Redwood R., Alderman D., Azaryahu M. (eds.). *The Political Life of Urban Streetscapes: Naming, Politics, and Place*. Abingdon, U.K.: Routledge; 2017. P. 1–24. DOI [10.4324/9781315554464-1](https://doi.org/10.4324/9781315554464-1).
18. Vuolteenaho V., Berg L. *Critical Toponymies: The Contested Politics of Place Naming*. Aldershot: Ashgate; 2009.
19. Ebert V. *Koloniale Straßennamen. Benennungspraktiken im Kontext kolonialer Raumaueignung in der deutschen Metropole von 1884 bis 1945*. De Gruyter: Berlin; 2021.
20. Samayeen N., Wong A., McCarthy C. Space to breathe: George Floyd, BLM Plaza and the monumentalization of divided American urban landscapes. *Educational Philosophy and Theory*. 2022;54(14):2341–2351. DOI [10.1080/00131857.2020.1795980](https://doi.org/10.1080/00131857.2020.1795980). EDN [MFXSUT](#).
21. Hebbert M. The street as locus of collective memory. *Environment and Planning D: Society and Space*. 2005;23:581–596. DOI [10.1068/d55j](https://doi.org/10.1068/d55j).
22. Poon L. Mapping the Sexism of City Street Names. Bloomberg City Lab. 2015. Available at: <https://www.citylab.com/equity/2015/11/mapping-the-sexism-of-city-street-names/414094/> (accessed: 28.02.2025).

23. Sebastian T. Invisibility of Female Street Names in India: Exploring the Intersection of Culture, Law and Social Situations. *McGill GLSA Research Series*. 2021;(1):1–19. DOI [10.26443/glsars.v1i1.144](https://doi.org/10.26443/glsars.v1i1.144).
24. Гербут Н. А., Гербут И. А. Недопредставленность женщин в названиях улиц: гендерные нарративы городских пространств // Женщина в российском обществе. 2021. № 4. С. 62–71. DOI [10.21064/WinRS.2021.4.5](https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.4.5). EDN GREEAR.
Herbut N. A., Herbut I. A. Women's underrepresentation in street names: gender narratives of urban spaces. *Woman in Russian Society*. 2021;(4):62–71. (In Russ.). DOI [10.21064/WinRS.2021.4.5](https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.4.5).
25. Голомидова М. В. Современная урбанонимическая номинация: стратегические подходы и практические решения // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14, № 3. С. 185–203. DOI [10.15826/vopr_onom.2017.14.3.029](https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2017.14.3.029). EDN ZTXBNN.
Golomidova M. V. Modern Urban Naming Practices: Strategic Approaches and Practical Solutions. *Voprosy onomastiki*. 2017;14(3):185–203. (In Russ.). DOI [10.15826/vopr_onom.2017.14.3.029](https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2017.14.3.029).
26. Городская топонимия: современная политика и практика именования / М. В. Голомидова, Р. В. Разумов, С. О. Горяев [и др.]. Екатеринбург : Уральский федеральный университет, 2023. 216 с. EDN IUPKOV.
Golomidova M. V., Razumov R. V., Goryaev S. O. [et al.]. Urban toponymy: modern policy and practice of naming. Ekaterinburg: Ural Federal University; 2023. (In Russ.).
27. Крюкова И. В. Социолингвистические аспекты ономастических исследований: постановка проблемы // Вопросы филологии. 2014. № 2(47). С. 30–35. EDN UARCEV.
Kryukova I. V. Sociolinguistic aspects of onomastic research: stating the problem. *Journal of Philology*. 2014;(2):30–35. (In Russ.).
28. Разумов Р. В. Русская урбанонимия: полевая организация, модели номинации, социолингвистические особенности функционирования. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2022. 387 с.
Razumov R. V. Russian urbanonymy: field organisation, nomination models, sociolinguistic features of functioning. Yaroslavl: RIO YaSPU; 2022. (In Russ.).
29. Потанина Н. Л., Гололобов М. А. Городской текст как теоретическая проблема // Филологическая регионалистика. 2012. № 1(7). С. 32–37. EDN TJJAOT.
Potanina N. L., Gololobov M. A. Urban text as a theoretical problem. *Filologicheskaya regionalistika*. 2012;(1):32–37. (In Russ.).
30. Евстифеев Р. В. Конструирование городских идентичностей: цели, механизмы, акторы // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2020. № 4(26). С. 75–89. DOI [10.23951/2312-7899-2020-4-75-89](https://doi.org/10.23951/2312-7899-2020-4-75-89). EDN ABLBQA.
Evstifeev R. V. Designing city identities: goals, mechanisms, actors. *Praxema. Journal of Visual Semiotics*. 2020;(4):75–89. (In Russ.). DOI [10.23951/2312-7899-2020-4-75-89](https://doi.org/10.23951/2312-7899-2020-4-75-89).
31. Гордова Ю. Ю. Актуальные способы обработки и представления ономастических данных: 2009–2019. М. : Ленанд, 2020. 128 с. EDN DHCELO.
Gordova Y. Yu. Actual methods of processing and presentation of onomastic data: 2009–2019. Moscow: Lenand; 2020. (In Russ.).
32. Никитина Т. Г. Топонимическое пространство города: «культурные слои» в лексикографическом отображении // Вопросы ономастики. 2018. Т. 15, № 2. С. 180–193. DOI [10.15826/vopr_onom.2018.15.2.020](https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2018.15.2.020). EDN XVQYIP.
Nikitina T. G. The Urban Toponymic Space: “Cultural Layers” in Lexicographic Perspective. *Voprosy onomastiki*. 2018;15(2):180–193. (In Russ.). DOI [10.15826/vopr_onom.2018.15.2.020](https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2018.15.2.020).
33. Разумов Р. В. Русская урбанонимия и ее лексикографическое представление: проблемы и перспективы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, № 12. С. 4166–4171. DOI [10.30853/phil20230633](https://doi.org/10.30853/phil20230633). EDN GNMVVR.
Razumov R. V. Russian urbanonymy and its lexicographic representation: Problems and prospects. *Philology. Theory & Practice*. 2023;16(12):4166–4171. (In Russ.). DOI [10.30853/phil20230633](https://doi.org/10.30853/phil20230633).
34. Meyer C., Hachmeister S., Schmück S. Straßennamen schreiben Geschichte. Das Beispiel des Erlanger city-text. *Mitteilungen der Fränkischen Geographischen Gesellschaft*. 2018. Band 63/64. P. 47–58.

Поступила: 08.04.2025. Доработана: 23.05.2025. Принята: 30.05.2025.

Сведения об авторах:

Евстифеев Роман Владимирович, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник отдела политической науки, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук. Москва, Россия.

evstifeev@inion.ru

Author ID РИНЦ: 317061; ORCID: 0000-0002-3851-7035

Евстифеева Галина Геннадьевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента, Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Владимир, Россия.

gge65@mail.ru

Author ID РИНЦ: 721768

R. V. Evstifeev¹, G. G. Evstifeeva²

¹ INION RAN. Moscow, Russia

² RANEPa Vladimir branch. Vladimir, Russia

URBAN GENDER REGIMES THROUGH THE LENS OF CRITICAL TOPONYMY

Abstract. The article presents findings from a study of the toponymic systems of regional capitals in Russia's Central Federal District (16 cities, excluding Moscow). The aim was to identify characteristics of urban gender regimes in these cities from the perspective of critical toponymics and to conduct a comparative analysis with similar data from European cities. The theoretical and methodological foundation of the research is based on the concept of gender regimes and key principles of critical toponymics. Data collection for Russian cities was based on the analysis of official documents as well as information from geospatial platforms — Yandex.Maps and OpenStreetMap. For European cities, open data integrated by the projects Mapping diversity and Stnameslab were used. Processing of the collected material involved statistical and cartographic methods using Microsoft Excel and QGIS software. The analysis confirmed the presence of stable gender regimes within the toponymic systems of all studied cities. The main characteristic of these regimes is the clear dominance of male names in street naming, both in Russian and European contexts. However, differences were observed in the content: in Russian cities, names of figures of supra-regional significance prevail, while in European cities — despite a much higher number of “female” anthroponyms — a significant share refers to individuals directly connected to the city and its development. Spatial distribution patterns indicate that urban space is regulated by gender regimes: “female” anthroponyms are most often located on the periphery of central districts. The results provide a basis for outlining promising directions for further study of urban gender regimes through the lens of critical toponymics.

Keywords: gender regimes, critical toponymy, anthroponyms, urban space, social inequality

For citation: Evstifeev R. V., Evstifeeva G. G. Urban gender regimes through the lens of critical toponymy. *Science. Culture. Society*. 2025;31(2):111–128. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2021.31.2.9>

Received: 08.04.2025. Corrected: 23.05.2025. Accepted: 30.05.2025.

Author information:

Roman V. Evstifeev, Doctor of Political Science, Leading researcher at the Department of Political Science, Institute of Scientific Information for Social Sciences RAS. Moscow, Russia.

evstifeev@inion.ru

ORCID: 0000-0002-3851-7035

Galina G. Evstifeeva, Candidate of Sociology, Associate professor of Management, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir branch. Vladimir, Russia.

gge65@mail.ru

Антропотопонимы в названиях улиц региональных столиц Центрального федерального округа

№	Город	Населе- ние, чел.	Всего назва- ний улиц, ед.	Из них ан- тропотопони- мов, ед.	Гендерное распределе- ние, ед.			Доля антропото- понимов от обще- го числа улиц, %	Доля от числа антропотопо- нимов, %		
					Ж	М	Не опр.		Ж	М	Не опр.
1	Белгород	328 482	701	203	3	200	0	28,96	1,48	98,52	0,00
2	Брянск	373 310	796	257	17	240	0	32,29	6,61	93,39	0,00
3	Владимир	344 082	644	141	4	137	0	21,89	2,84	97,16	0,00
4	Воронеж	1 046 425	1516	417	33	384	0	27,51	7,91	92,09	0,00
5	Иваново	358 437	1218	247	16	230	1	20,28	6,48	93,12	0,40
6	Калуга	329 673	613	108	5	103	0	17,62	4,63	95,37	0,00
7	Кострома	265 761	486	69	9	59	1	14,20	13,04	85,51	1,45
8	Курск	436 678	940	146	4	142	0	15,53	2,74	97,26	0,00
9	Липецк	485 260	790	275	13	262	0	34,81	4,73	95,27	0,00
10	Орёл	292 406	704	175	11	164	0	24,86	6,29	93,71	0,00
11	Рязань	520 509	713	140	16	124	0	19,64	11,43	88,57	0,00
12	Смоленск	310 645	683	152	10	142	0	22,25	6,58	93,42	0,00
13	Тамбов	256 268	565	139	9	130	0	24,60	6,47	93,53	0,00
14	Тверь	412 994	826	275	28	247	0	33,29	10,18	89,82	0,00
15	Тула	461 692	724	256	17	239	0	35,36	6,64	93,36	0,00
16	Ярославль	567 443	974	217	14	203	0	22,28	6,45	93,55	0,00
	ВСЕГО	6 790 065	12 893	3 217	209	3 006	2	24,95%	6,50%	93,44%	0,06%

Антропотопонимы в названиях улиц 16 европейских городов

Приложение 2

Мужчина и женщина в современном социокультурном пространстве

№	Город	Население, чел.	Всего назва- ний улиц, ед.	Из них ан- тропотопо- нимов, ед.	Гендерное распределение, ед.			Доля антро- потопонимов от общего чис- ла улиц, %	Доля от числа антропотопо- нимов, %		
					Ж	М	Не опр.		Ж	М	Не опр.
1	Анкона	100 000	657	321	11	310	0	48,86	3,43	96,57	0,00
2	Болонья	388 000	2 042	1 184	63	1 119	2	57,98	5,32	94,51	0,17
3	Вроцлав	641 201	2 478	640	50	584	6	25,83	7,81	91,25	0,94
4	Гданьск	486 271	2 046	449	28	420	1	21,95	6,24	93,54	0,22
5	Генуя	566 410	4 206	1 642	134	1 496	12	39,04	8,16	91,11	0,73
6	Дебрецен	202 402	1 863	333	9	323	1	17,87	2,70	97,00	0,30
7	Катовице	290 553	1 219	422	26	390	6	34,62	6,16	92,42	1,42
8	Лион	522 969	2 096	1 214	103	1 100	11	57,92	8,48	90,61	0,91
9	Лодзь	667 923	2 385	522	44	477	1	21,89	8,43	91,38	0,19
10	Лозанна	141 000	737	123	15	108	0	16,69	12,20	87,80	0,00
11	Палермо	637 885	2 750	1 564	126	1 417	21	56,87	8,06	90,60	1,34
12	Севилья	684 234	4 377	1 592	274	1 317	1	36,37	17,21	82,73	0,06
13	Сибиу	137 000	681	199	4	195	0	29,22	2,01	97,99	0,00
14	Флоренция	382 000	2 420	1 231	73	1 156	2	50,87	5,93	93,91	0,16
15	Кишинёв	639 000	1 503	496	35	459	2	33,00	7,06	92,54	0,40
16	Эрланген	117 000	1026	168	35	132	1	16,37	20,83	78,57	0,60
	ВСЕГО	6 603 848	32 486	12 100	1 030	11 003	67	37,25%	8,51%	90,93%	0,55%